

**«Курляндский вопрос»
в реляциях генерал-полицеймейстера А. М. Девиера***

Марина Накишова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**The “Courland Question”
in the Reports of A. M. Devieir, General Chief of Police****

Marina Nakishova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article examines the reports sent by A. M. Devieir, the General Chief of Police, to Empress Catherine I in January-February 1727. These reports reveal the details of Devieir’s mission to Courland on the eve of the Polish Sejm. Published here for the first time, the reports have come down to us in their original form; they are kept in Fund 9 (Office of Peter I and its continuation) of the RGADA (Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow). Devieir’s reports help to find new details about the Courland conflict, which united various states that had geopolitical interests in the Baltic region, and the struggle of political groups in Courland and Semigallia over the issue of preserving or abolishing “ancient” rights and autonomies, and the accession or non-accession of the territory to the Polish-Lithuanian Commonwealth. The reports also provide valuable information about the state activity and the character of A. M. Devieir, who for the first time was involved in the implementation of diplomatic missions, and his interactions with other statesmen. Thirdly, and rather indirectly, the correspondence of the General

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01059 «Механизмы функционирования социальных связей в контексте государственного реформирования в России во второй половине XVII – начале XVIII в.» (<https://rscf.ru/project/23-78-01059/>).

** Citation: Nakishova, M. (2024). The “Courland Question” in the Reports of A. M. Devieir, General Chief of Police. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 3. P. 955–979. DOI 10.15826/qr.2024.3.918.

Цитирование: Nakishova M. The “Courland Question” in the Reports of A. M. Devieir, General Chief of Police // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 3. P. 955–979. DOI 10.15826/qr.2024.3.918 / Накишова М. «Курляндский вопрос» в реляциях генерал-полицеймейстера А. М. Девиера // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 3. С. 955–979. DOI 10.15826/qr.2024.3.918.

Chief of Police helps reconstruct the political hierarchy and the nature of social ties between the highest officials of the Russian Empire in the post-Peter period. Thus, an important role of A. V. Makarov, Office Secretary; A. I. Ostermann, Vice-Chancellor; P. I. Yaguzhinsky, former Prosecutor General of the Senate; P. M. Bestuzhev-Ryumin, Chief Hoffmeister of the court of Anna Ioannovna, can be noted as well as the reduced influence of Prince A. D. Menshikov, who lost confidence after unauthorized interference in the affairs of Courland in 1726. All these reasons make Devieir's reports a valuable historical source. Their significance is fully revealed when they are analysed together with similar documents related to the Courland crisis of the 1720s, deposited in the funds of the Collegium of Foreign Affairs and the Supreme Privy Council.

Keywords: 18th-century history, Russian Empire, Courland, Semigallia, Polish-Lithuanian Commonwealth, social ties, A. M. Devieir, Catherine I, A. V. Makarov, A. I. Ostermann

Предлагаемые реляции генерал-полицеймейстера А. М. Девиера, отправленные императрице Екатерине I в январе – феврале 1727 г., освещают подробности миссии Антона Мануиловича в Курляндии накануне польского сейма. Публикуемые впервые, реляции дошли до наших дней в оригинальном виде и ныне хранятся среди материалов фонда 9 «Кабинет Петра I и его продолжение» в РГАДА (Москва). Они раскрывают новые детали курляндского конфликта, объединившего различные государства, которые имели геополитические интересы в Прибалтийском регионе, борьбу политических группировок в герцогстве Курляндия и Семигалия относительно вопроса о сохранении или упразднении «древних» прав и автономий и присоединения или неприсоединения территории к Речи Посполитой. Реляции также дают ценные сведения о деятельности и характере А. М. Девиера, впервые привлеченного к осуществлению дипломатических миссий, о его взаимодействии с другими отечественными и курляндскими государственными деятелями. Кроме того, третий, косвенный пласт информации, заключенный в документации генерал-полицеймейстера, позволяет реконструировать политическую иерархию и характер социальных связей между высшими должностными лицами Российской империи в постпетровский период. Прослеживаются важная роль в решении внешнеполитических вопросов тайного кабинет-секретаря А. В. Макарова, вице-канцлера А. И. Остермана, бывшего генерал-прокурора Сената П. И. Ягужинского, обер-гофмейстера двора Анны Иоанновны П. М. Бестужева-Рюмина и др. и одновременно снижение влияния светлейшего князя А. Д. Меншикова, утратившего доверие после самовольного вмешательства в дела Курляндии в 1726 г. Все это делает реляции А. М. Девиера ценным историческим источником, чье значение полностью раскрывается при их контекстном изучении с другими комплексами документации, связанной с курляндским кризисом 1720-х гг. и отложившейся в фондах Коллегии иностранных дел и Верховного тайного совета.

Ключевые слова: история XVIII в., Российская империя, герцогство Курляндия и Семигалия, Речь Посполитая, социальные связи, А. М. Девиер, Екатерина I, А. В. Макаров, А. И. Остерман

В период раннего Нового времени курляндский вопрос занимал особое место во внешней политике европейских государств, имевших свои интересы в Прибалтийском регионе. Территории герцогства Курляндия и Семигалия привлекали внимание Речи Посполитой, чьей автономной частью (леном) являлись данные регионы, а также Российской империи, Пруссии, Швеции, Великобритании и Франции. К 1720-м гг. ситуация в Курляндии резко обострилась в связи с отсутствием прямых наследников династии Кетлеров – в герцогстве оставалась вдова Фридриха-Вильгельма (†1711) Анна Иоанновна, не имевшая наследников, а правителем номинально числился последний представитель династии шестидесятилетний герцог Фердинанд, не пользовавшийся популярностью у местной политической элиты и проживавший в Данциге (Гданьске). После кончины Петра I развернулась ожесточенная борьба за влияние в Курляндии, наиболее активными участниками которой стали Российская империя и Речь Посполитая. В частности, российская сторона хотела видеть на престоле вместо (или после) Фердинанда лояльного себе герцога и одновременно старалась пресечь попытки Речи Посполитой включить Курляндию и Семигалию в состав своих территорий.

В течение 1726 г. в качестве претендентов на курляндское герцогство выдвигалось несколько кандидатур – герцог Голштинский, принц Гессен-Кассельский, князья Гессен-Гомбургские, незаконнорожденный сын польского короля Августа II Мориц Саксонский, а также светлейший князь А. Д. Меншиков¹, чьи опрометчивые действия и силовой нажим на курляндцев весной – летом 1726 г. привели к усугублению политического кризиса. 18 июня 1726 г. курляндским сеймиком Фердинанд был лишен прав на престол, а новым правителем был избран Мориц Саксонский, который к тому же имел намерение жениться на вдовствующей Анне Иоанновне. Этот выбор ни Речь Посполитая², ни Россия не поддержали. На Гродненском сейме, длившемся с 28 сентября по 9 ноября 1726 г., Речью Посполитой была принята конституция (постановление), согласно которой утверждалось (1) отложить присоединение Курляндии и Семигалии к Польше и их разделение на воеводства до кончины Фердинанда, (2) аннулировать избрание Морица, объявить его «за инфамы и бандита» и принудить покинуть территорию Курляндии, (3) отправить в Митаву специальную комиссию с военным сопровождением, которой поручалось на месте договориться о дальнейшей судьбе герцогства. Российской стороне, надо полагать, гродненская конституция оказалась на руку (из-за нежелания видеть герцогом Морица), поэтому «министры» Екатерины I продолжили действовать

¹ Как известно, А. Д. Меншиков сам продвигал свою кандидатуру, пренебрегая государственными интересами.

² Польский король Август II Морица изначально поддерживал, однако должен был покориться мнению шляхты.

прежними методами – выстраивать социальные связи с курляндской политической элитой в надежде увеличить количество дружественных сил [Kosińska, 2012a, s. 361–362, 476–493].

В отечественной и зарубежной исторической науке курляндский вопрос, обострившийся на протяжении недолгого царствования Екатерины I, изучен крайне выборочно. В общих чертах известны причины курляндского кризиса, ход событий, расстановка сил, планы сторон и т. д. [Анисимов; Арбузов; Арсеньев; Евстратьев; Павленко, 2004; Павленко, 2016; Ругль; Соловьев; Стродс; Шубинский; Щебальский;



1. Неизвестный художник. Портрет А. М. Девиера. Первая четверть XVIII в. Государственный Эрмитаж. Изображение с сайта Wikimedia Commons. <https://commons.wikimedia.org/>
Unknown artist. Portrait of A. M. Devier. The first quarter of the 18th century. State Hermitage Museum. Image from Wikimedia Commons

Kantecki; Kosińska, 2012a; Kosińska, 2012b; Strohm; Treffer; Taillander; White; и др.]. Однако роль тех или иных лиц, привлеченных к решению сложной внешнеполитической ситуации, и их личный вклад в ее развязку до сих пор остаются без должного осмысления. Например, подобная историографическая участь постигла тайную миссию генерал-полицеймейстера А. М. Девиера рубежа 1726–1727 гг., целью которой было повлиять на политический выбор курляндцев после гродненского сейма и противодействовать подтверждению избрания на герцогство Морица Саксонского. Данные события из жизни Девиера реконструируются историками посредством единичных, вырванных из исторического контекста документов, в большинстве своем представленных еще историками XIX в.³

Выявленный и изученный комплекс официальных реляций, направленных генерал-полицеймейстером Екатерине I с 4 января по 21 февраля 1727 г. (12 шт.)⁴, позволяет детально рассмотреть миссию Девиера по ходу развития курляндского кризиса после смерти Петра I⁵. Во-первых, благодаря реляциям

³ Как правило, миссия Девиера рассматривается как продолжение и последствие действий Меншикова в Курляндии в 1726 г. Исключением, пожалуй, являются работы польской исследовательницы У. Косиньской, построенные на материалах Коллегии иностранных дел (АВПРИ, фонд № 79), и немецкого историка К. Штрома [Kosińska, 2012a; Kosińska, 2012b; Strohm].

⁴ Реляции сохранились среди материалов фонда «Кабинет Петра I и его продолжение» (фонд № 9) РГАДА.

⁵ Копии и иные материалы миссии также сохранились в АВПРИ. См.: [АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 1].

Антон Мануиловича и копиям инструкций представляется возможным реконструировать специфику его деятельности и эволюцию полномочий, которыми он был наделен на протяжении всей своей миссии. Первая (от 31 декабря 1726 г.) и вторая (от 4 февраля 1727 г.) тайные инструкции, полученные Девиером от царского правительства, имели два принципиальных отличия. Первое из них связано с тем, что в декабре 1726 г. генерал-полицеймейстеру не было дано официального разрешения что-либо говорить и обещать открыто или письменно: он должен был тайно убеждать «дружественных» курляндцев в благосклонности российской стороны, а официальной целью его пребывания в Митаве объявлялась покупка товаров для императрицы [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 260–261 об.; Щебальский, с. 57]. Девиеру, кроме того, указывалось координировать свою деятельность с мерами, предпринимаемыми обергофмейстером двора Анны Иоанновны П. М. Бестужевым-Рюминым и полномочным министром в Польше⁶ П. И. Ягужинским [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 261 об.].⁷ После многочисленных просьб о получении подтверждающих бумаг (кредитива) и поездки в Санкт-Петербург в промежутке между 21 января и 6 февраля 1727 г. в новую инструкцию Девиера были внесены изменения, разрешавшие давать обещания «явно и тайно словесно, но не письменно» [Там же. Л. 271 об.].

Второе отличие между инструкциями касается предписанных Девиеру действий по отношению к курляндским политическим группировкам и Морицу Саксонскому, не признавшему гродненскую конституцию и остававшемуся в Курляндии. В первой инструкции превалировали указания на методы работы с пророссийской и пропольской «партиями» – данной задаче посвящено пять пунктов из шести⁸. При этом, приехав в Митаву, Девиер сразу же столкнулся с очевидными трудностями. Курляндцы, образовавшие пророссийскую группировку, в действительности не желали усиления ни России, ни Речи Посполитой и, опираясь на протекцию Екатерины, стремились только лишь сохранить свои «древние» права и привилегии, то есть уничтожить гродненскую конституцию. Курляндцы, занимавшие пропольскую позицию, в большинстве своем отсутствовали в Митаве, а некоторые наиболее радикально настроенные пытались заручиться поддержкой в Польше (например, обер-бург-

⁶ Примечательно, что на момент отправки Ягужинского в Польшу там уже находился чрезвычайный посланник М. П. Бестужев-Рюмин. Ягужинский и Бестужев-Рюмин должны были действовать сообща, хотя реально последний оказался на втором плане.

⁷ Об их миссиях см.: [Kosińska, 2012a, s. 476–490].

⁸ 30 декабря 1726 г. к послу в Польшу Ягужинскому также было отправлено письмо от имени Екатерины с характеристикой миссии Девиера: «всеми мерами старайтесь, дабы курляндское правительство по-прежнему осталось, как и прежде к вам писали, и для тех дел в Курляндию нарочно отправили мы ныне генерала-маеора графа Девиера, которому повелели всякими мерами старатца и курлянцов увещать, чтоб они при прежних своих правах крепко и ненарушимо стояли, и о протчем, что к пользе нашей принадлежит, с представлением сильных резонов» [РГАДА. Ф. 142. Оп. 1. Д. 589. Л. 2–2 об.].

граф А. Костюшко) [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 255 об.]. Генерал-полицеймейстер так и не смог вступить с ними в переговоры, поскольку не имел в Курляндии доверенных лиц [Там же. Л. 214–214 об., 229 об. – 230 об., 237–237 об., 244–244 об., 309–312]. Работа с Морицем Саксонским, надо полагать, первоначально являлась для Девиера вторичной задачей, ему был посвящен только один пункт инструкции:

Також розведать о Морице, где он ныне обретається и в каком состоянии, и старатца, ежели б возможно, дабы вам ево тайным образом видеть, и уведать все его намерения, и о том нам донести. Однако ж то свидание гораздо надобно с ним тайно иметь, дабы не дать тем подозрения не только полякам, но и курлянтам [Там же. Л. 261–261 об.].

Благодаря сведениям, отправлявшимся Антоном Мануиловичем в Санкт-Петербург, к февралю 1727 г. изменилось отношение российской стороны к политическому влиянию Морица [Павленко, 2016, с. 264–265; Kosińska, 2012a, s. 493]. Во второй инструкции главной целью деятельности генерал-полицеймейстера в Митаве определялось противодействие попыткам Морица занять курляндский престол при видимости лояльных отношений с ним. Девиер должен был убедить курляндских депутатов и обер-ратов не упоминать о его кандидатуре ни на грядущем сеймике в Митаве (18–21 февраля 1727 г.), ни в тексте инструкции, отправленной с депутатом в Польшу на Сенат-коллегиум, начало которого было назначено на 12 марта 1727 г.⁹ Нескольким (двум или трем) наиболее надежным сторонникам Морица можно было

...дать знать в самой конфиденции, что натурально есть, что надлежит и необходимо потребно об нем, графе Морице, наперед с королем польским самим тайно согласиться и с ним в том деле потребные меры взять. И в том с стороны нашей потребным образом между тем поступлено будет [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 276–276 об.].

Во-вторых, сведения, полученные из реляций, позволяют дополнить исторический портрет Девиера, оценить его вклад в государственное строительство. Важно отметить, что генерал-полицеймейстер никогда ранее не имел возможности себя проявить в качестве дипломатического посланника и в тонкостях внешнеполитического ведомства разбирался поверхностно. На протяжении петровского царствования к сфере его компетенции относились по преимуществу военные или строительные вопросы (во время Северной войны), а также административные проблемы по полицеймейстерскому ведомству. С 1718 г. возглавляя Полицеймейстерскую канцелярию, он обеспечивал безопасность прибывших в Санкт-Петербург иностранных делегаций, сопровождал их во время передвижений по территории города и его округе, заботился об организации квартир и условиях проживания,

⁹ Первоначально Август II планировал собрать Сенат-коллегиум 16 апреля 1727 г.

следил за соблюдением процессуальных регламентаций и т. д. [Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца, с. 90, 91, 111, 112, 496]. Девиер имел возможность наблюдать за приемом иностранных гостей и, надо полагать, как приближенный монарха был знаком с общими целями и стратегиями российской дипломатии, однако самостоятельно дипломатические переговоры он никогда не проводил.

В связи с этим нет точного понимания, почему именно Девиеру было поручено отправиться в Курляндию накануне польского сейма и осуществить столь важную дипломатическую комбинацию [Ругль, с. 44; Соловьев, с. 981–982; Щебальский, с. 57]. Автор специального очерка о событиях в Курляндии 1726–1727 гг. П. К. Щебальский объяснял назначение Девиера тем, что, «может быть, выбор этот был основан на известной его вражде с Меншиковым и на деятельном участии его в интриге, едва не низвергнувшей могущественного фаворита во время пребывания его в Курляндии; правительство наше этим выбором желало, может быть, показать курляндцам, что оно не имеет теперь никакого намерения поддерживать своего прежнего кандидата» [Щебальский, с. 57]. Тем не менее, сводить причины назначения Девиера исключительно к его неприязни по отношению к Меншикову было бы слишком смело. На протяжении царствования Петра I взаимоотношения генерал-полицеймейстера с князем были намного сложнее, нежели принципиально враждебные: «главные руководители армии и полиции, фактические начальники столичной губернии и столицы, повинувшись крутому нраву и тяжелой руке Петра I, исполняя свои обязанности, сотрудничали между собой» [Сизиков, с. 8]. Подобная тенденция, надо полагать, продолжалась и во время правления Екатерины по крайней мере до известного дела Девиера – Толстого, поскольку Меншиков инициировал назначения Антона Мануиловича к делам, касавшимся его интересов [СИРИО, т. 56, с. 589].

Аккуратно предположим, что выбор императрицы и ее окружения основывался на расстановке политических сил при дворе и на личных качествах генерал-полицеймейстера. Девиер, занимавший в то время несколько крупных должностей и пользовавшийся доверием государыни, находился на пике политического могущества и к тому же за годы государственной службы ничем не запятнал свою репутацию. Дотошный и исполнительный¹⁰, он не был склонен к волюнтаризму,

¹⁰ Стоит отметить, что методы, использовавшиеся Девиером в Курляндии, признаются некоторыми исследователями необычными для дипломатии и в какой-то степени «полицейскими». Например, прибыв в Митаву в дом П. М. Бестужева-Рюмина, генерал-полицеймейстер приказал ему собрать всех курляндцев, которые считались приверженцами пророссийской позиции, и вывести на разговор о политике. Сам же Девиер спрятался в соседней комнате, внимательно прислушивался ко всему, что говорилось, и вышел к собравшимся после того, как уверился в их лояльности по отношению к российскому престолу. Примечательно, что данный способ получения информации больше походил на следственный допрос, нежели на переговоры со сторонниками. Столь же нехарактерным для дипломатической традиции выглядело поведение Девиера во время тайных встреч с Морицем Саксонским. См.: [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 309–309 об.; Щебальский, с. 60].

одержим какими-то значительными грехами, будь то пьянство, тяга к наживе, злоупотребление азартными играми, умело вел следствие и отличался неподкупностью¹¹. В силу этого Антон Мануилович выглядел вполне подходящей фигурой для миссии, где не требовалось принимать глобальные решения или выстраивать сложные дипломатические комбинации, а нужно было тщательно собирать информацию, быть стойким и убедительным.

В-третьих, реляции Девиера сохранили в себе сведения о деятельности других влиятельных сановников екатерининского царствования (П. М. и М. П. Бестужевых-Рюминых, А. В. Макарова, А. Д. Меншикова, А. И. Остермана, П. И. Ягужинского и пр.) и об их участии в урегулировании внешнеполитических кризисов. Так, помимо упоминавшихся ранее Ягужинского и Бестужева, ключевую роль в ведении русско-польско-курляндских переговоров сыграли тайный кабинет-секретарь А. В. Макаров и вице-канцлер А. И. Остерман¹². Практически каждая реляция, отправленная Девиером к Екатерине I, сопровождалась уточняющим письмом к Макарову, который продолжал выполнять посредническую функцию в процессе обмена корреспонденцией и указаниями между правителем/правительницей и другими акторами [РГАДА Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 238–238 об., 241–241 об., 247–247 об.]. Писем Девиера, направленных Остерману, пока обнаружить не удалось¹³. Однако имя вице-канцлера называется Антоном Мануиловичем среди лиц, с которыми он советовался и чьи указания принимал к сведению (наравне с Екатериной I, чье вмешательство в политику не стоит переоценивать, и тайным кабинет-секретарем¹⁴ Макаровым) [Там же. Л. 240–240 об.].

Более того, реляции и письма Девиера из Курляндии отложились среди многочисленных материалов фонда Кабинета Е. И. В., а не Иностранной коллегии или Верховного тайного совета, как того стоило ожидать. Уже при получении первой инструкции Девиер адресовал императрице вопрос относительно своей подчиненности, маркируя роль Кабинета: «И когда случитца мне писать об моем деле в Кабинет, надлежит ли же писать в Коллегию иностранных дел или нет?» [Там же. Л. 278]. Подобным образом он поступал и 21 января (повторно

¹¹ Так, он отказался от взятки в 10 тыс. экю, которую ему предложил Мориц Саксонский, в обмен на то, что тот будет способствовать заключению его брака с Анной Иоанновной. Подобный вполне обычный для дипломатии того времени поступок возмутил Девиера. В ответе Морицу он писал: «это странное предложение, равно как и тому подобныя искушения, предполагающия поля и низкия чувства в том, к кому они относятся, оскорбительны для честного человека» [Щебальский, с. 60].

¹² 20 января 1727 г. Верховный тайный совет, основываясь на именном указе от 21 декабря 1726 г., подтвердил передачу под руководство Остермана иностранной почты, что не могло не упрочить его влияние на внешнюю политику России [СИРИО, т. 63, с. 54].

¹³ Также Остерман узнавал сведения из других источников, см.: [АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1726 г. Д. 20; 1727 г. Д. 1, 2, 3].

¹⁴ Макаров в данном случае называется «тайным советником».

24 января) 1727 г., запрашивая кредитив: «кредетив тот можно дать хотя из Кабинета, а не из Иностранной коллегии, токмо б за рукою Вашего императорского величества» [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 233 об.]. Изучение протоколов и журналов заседаний Верховного тайного совета на протяжении декабря 1726 – февраля 1727 г. также показало, что его члены не обсуждали ни избрание Девиера в качестве посланника в Курляндию, ни пункты его инструкции, ни его сообщения. В обозначенный период Верховный тайный совет выносил постановления по курляндскому делу, основываясь исключительно на донесениях отца и сына Бестужевых-Рюминых и Ягужинского [СИРИО, т. 63, с. 12, 13, 18, 58, 69, 92, 148, 149, 175, 205, 242]¹⁵. Соответственно, деятельность генерала-полицеймейстера в Митаве проходила вне зависимости от членов Верховного тайного совета, под контролем узкого круга доверенных лиц императрицы – тайного кабинет-секретаря Макарова и вице-канцлера Остермана.

Заканчивая разговор о событиях конца 1726 – начала 1727 г., подчеркнем, что дипломатическая миссия Девиера не имела никаких значительных последствий. Внешнеполитические интересы России, опасавшейся усиления Польши в Курляндии, в также активное вмешательство политической элиты Речи Посполитой и лично польского короля Августа II привели к тому, что вопрос о внешнеполитической ориентации герцогства сводился к нехитрой комбинации: кто быстрее – Польша или Россия – с помощью силового нажима обеспечит поддержку лояльным силам и пообещает местным группировкам большие преференции. Поэтому когда 21 февраля 1727 г. в Митаве закончился курляндский сеймик, Девиер был отозван в столицу [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 258–259].

* * *

Тексты избранных реляций Девиера от 7, 14, 24 января и 14, 18 февраля 1727 г. публикуются в соответствии с правилами критической передачи текста XVII–XVIII вв. («Правила издания исторических документов в СССР», М., 1990). Титла раскрыты, выносные буквы внесены в строку, к согласным в необходимых случаях добавлен мягкий знак. Устаревшие буквы заменены современными. Орфография текстов сохранена, пунктуация приближена к современной. Восстановленные по смыслу слова и части слов заключены в квадратные скобки. Квадратные скобки оригинальных текстов заменены круглы-

¹⁵ Ягужинский также подчеркивал особую роль Кабинета и лично тайного кабинет-секретаря Макарова: «Государь мой Алексей Васильевич. Особливым известием ваше превосходительства не утруждаю, но изволите пространно уведомиться ис приложенного при сем к Ее императорскому величеству доношения. Что же во оном писано, иного о том в реляции моей в Коллегию иностранных дел не доносил, и ежели запотребно изволите разсудить, чтоб о том ведали господа министры, то извольте им при слушании дел то мое доношение прочесть» [РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. От. 2. Д. 86. Л. 892].

ми скобками. Текстуальные примечания даны кириллическими литерами, содержательные примечания – арабскими цифрами; те и другие помещены в подстрочник в порядке сквозной нумерации. Ссылки на не вошедшие в публикацию реляции от 4, 17, 19, 21 января и 7, 11, 21 февраля 1727 г. даны в содержательных примечаниях с указанием на информацию, заключенную в них.

№ 1

1727 г., января 7. Реляция А. М. Девиера из Курляндии

(Л. 309) // Всемилодивейшая государыня императрица Екатерина, великая самодержица Всероссийская!

Всеподданнейше Вашему императорскому величеству доношу, что по указу Вашего императорского величества прибыл я сюда сего настоящего месяца 4 числа и по прибытии моему Вашему императорскому величества указ господину тайному советнику Бестужеву-Рюмину и другим, кому надлежит, того часу подал¹⁶. И по силе данной нам Вашего величества инструкции¹⁷ тогда с ним, господином Бестужевым, имел конференцию о здешних делах¹⁸, при которой рассуждали, чтоб доброжелательным курляндцем¹⁹ быть в доме ево, господина Бестужева, и 5-г[о] числа приказал быть им, доброжелательным, которые здесь в городе обретаются (которым при сем значит реэстр²⁰). И, во-первых, не дав им о себе знать, что я приехал для оного дела, но таким образом, как оне призваны были в дом господина Бестужева, тогда велел ему говорить от себя, как оне согласуют Вашего императорского величества указ против прежних слов своих, и какой на то ответ давать будут, и правдиво ли в прежних своих словах утверждаются, и не явитца ли какие от них отмены после польского сейму²¹. И как

¹⁶ Девиер также отмечал, что прибыл в Митаву в одиночку и тайно, по дороге его никто, кроме доверенных лиц, не видел. Вместе с генерал-полицеймейстером были отправлены капитан-лейтенант от гвардии Гурьев, камер-юнкер А. Древник, переводчик Ф. Шевиус, сенатский подканцелярист А. Красовской [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 278, 308].

¹⁷ Инструкцию от 30 декабря 1726 г. см.: [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 260–201 об.].

¹⁸ 22 декабря 1726 г. Бестужеву-Рюмину был послан указ из Коллегии иностранных дел с инструкциями относительно работы с пророссийской и пропольской партиями в Курляндии. Ему поручалось «и ныне чинов курляндских надлежащим искусным образом увещать, дабы оные на сии ласкательные польские обещания не склонились, но при правах своих крепко и ненарушимо стояли, и для того б и определяемых в Варшаву депутатов своих такими инструкциями снабдили, дабы оные со основательными резонами свои права и что им под особливым своим герцогом не нарушимо в подданстве польском остаться надлежит, доказали и на часто упомянутое польское намерение не поступили, но паче всякими пристойными представлениями министров польских от оного отвратить трудились» [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 262–265 об.].

¹⁹ Щебальский среди дружественных России курляндцев называет следующих: «Ренне, Сакен, Нолле, Бутлер, и двое из обер-ратов, Кайзерлинг, всегда уклончивый, искательный, и фон-Брюгген, долго упорный наш противник» [Щебальский, с. 58].

²⁰ Реестра в архивном деле не обнаружено.

²¹ Имеется в виду Гродненский сейм.

слыша их ответ на обнадеживанные (*Л. 309 об.*) // от Вашего императорского величества слова, что оне то за благо принели и утверждаютца в том, что, как возможно, всеконечно будут при своих правах и алекции, как напред сего оне Вашему императорскому величеству утверждалися, и тогда, усмотря я, что оне никакие отмены против прежняго не учинили, то и я потом пришел к ним, якобы приехал того моменту из Санкт-Питербурха и указ Вашего императорского величества господину Бестужеву-Рюмину при них подал. Тогда и он объявил им обо мне, что я имею указ Вашего императорского величества, дабы мне представить им на прежнее Вашего величества обнадеживание подтверждение. И тогда я им объявил Вашего императорского величества высоким именем, якобы Вашему величеству известно учинилось, что оне якобы не доверяют обнадеживанию Вашего императорского величества и некоторые тому противны, и для того соизволите милосердствовать об их сумнительстве и изволили приказать объявить им, как оне при высокославной памяти Его императорском величестве обнадежены, тако ж и Ваше величество чрез меня обнадеживать изволите, и в том бы сумнения (*Л. 310*) // никакого не имели, понеже Ваше императорское величество не только для собственного своего интересу, но боле для самих их, и, не оставляя прежняго обещания, как им блаженныя и вечнодостойныя памяти императорское величество изволил обещать, тому ж обещанию и обнадеживанию и Ваше величество следуя, то воспрять изволила, и как утверждены чрез грамоты и господина Бестужева и протчих. И, выслушав, оне о сем зело возрадовались и говорили, что Ваше императорское величество такую к ним, бедным и ниоткуды помощи не имущим, кроме Вашего императорского величества, высокую свою милость объявлять и без всего за них стоять изволите, за что приказали Ваше величество покорно благодарить и в том великую надежду имеют на Ваше величество. Притом же объявили, что король польской обретаецца в добром здравье²² и об их деле при помощи Вашего императорского величества под рукою старательство имеет, чтоб их оставить в своих прежних правах²³. При том же говорили мне, что польская корона зело теснит их в их правах, и с которой им зело противно и чувственно, и ежели де польская корона станет сильно поступать против нынешнего положения их (*Л. 310 об.*) // на сейме, а помощи от Вашего императорского величества не будет действительно, то де и в том им есть несносная печаль и обида, что оне будут поступать по их воли, понеже они собою противится не могут, а что де принадлежит в настоящих их интересах, курляндских, в том, пока возможность их будет, упорно стоять станут. И на то я паки им отвечал, чтоб оне никакого в том опасения не имели, чтоб Курляндия допущен-

²² По ходу гродненского сейма Август II сильно болел, а в декабре-январе он вовсе находился на грани жизни и смерти. К концу января здоровье короля улучшилось, и, как сообщал Девиер, «король польской велел с 700 или 800 салдатам и з 20 пушками быть из Варшавы в Белой Сток для стрельбы, когда воздавать будут благодарение Богу, что избавился король от болезни своей» [РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. 2. Д. 86. Л. 890; Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 232 об.; Kosińska, 2012a, s. 101–108].

²³ Позиция Августа II и Речи Посполитой относительно судьбы Курляндии отличалась.

на была до совокупления с польскою короною, и притом объявил им, что Ваше императорское величество изволили писать о том х королю и к Речи Посполитой, дабы оне не имели мнения, чтоб то допущено было до совокупления, такожде писано и к министром²⁴ нашим, чтоб старательство имели²⁵. И, как оне о сем слыша, паки восприяли радость немалу и говорили, знатное де дело, что недавно писано, понеже де мы ведаем, что при сейме о курляньских делах ничего не упоминалось от ваших министров, а ежели б де тогда было говорено именем Вашего величества вышеупомянутое, что есть в том Вашему величеству противность, то бы того де не учинили, что ныне у них положено на сейме. И на то (Л. 311) // я им говорил, что Вашему императорскому величеству тогда о том не известно было, что об них польская корона положит о разделении или присовокуплении, того ради о том и не упоминали. А кой час Вашему величеству учинилось известно, и тогда немедленно изволила писать х королю и к министром нашим. И о том можно было видеть, что оне довольны были. А я принужден был им объявить, что писано для того, чтоб оне не могли в сумнении быть, понеже ничего старания от нашего министра при сейме об них не было, и, может быть, пришлось от того оне во мнение, якобы Ваше императорское величество изволили их оставить²⁶. И ежели Ваше величество не соизволили об них писать в Польшу, мнитца лутчее, чтоб изволили отписать Ваше величество как ноискоря, чтоб наши министры старательство об них имели, понеже в том и пуцая нужда состоит, чтоб при польском дворе старание иметь и не допустить бы, чтоб камисия польская прислана была сюда. А ежели допущено будет, что придет сюда камисия, (Л. 311 об.) // тогда не без камфузии будет, понеже положено у них на сейме, чтоб при камисии быть войску польскому для принуждения их курляньцов к присовокуплению, как оне ныне положили на сейме. И когда оне усмотрят Вашего величества старательство, и от того доброжелательным немалой кураж будет, но и противные, на то смотря, могут на истинный путь возвратиться. А что надлежало

²⁴ Имеются в виду Ягужинский (прежде всего) и М. П. Бестужев-Рюмин.

²⁵ Инструкцию, данную Ягужинскому 22 августа 1726 г., см.: [РГАДА. Ф. 142. Оп. 1. Д. 587. Л. 3 об. –5].

²⁶ Девиеру категорически не нравилась деятельность Ягужинского в Польше. В начале января 1727 г. в письме к тайному кабинет-секретарю Макарову он обвинял Петра Ивановича, что тот не оказал должного влияния на результаты Гродненского сейма. Затем в нескольких реляциях он передавал сомнения курляндцев: «Понеже сказано мне затайно от обор-ратов, что министр Вашего величества при польском дворе, якобы никакого старания о курляньском деле не имеет и будто он под рукою полякам говорит, чтоб оне никакого опасения не имели, понеже де Ваше императорское величество о курляньском им помешательства делать не соизволите, и хотя я во всем не иму веры, но однако ж бешенство ево что-нибудь может сделать. Они же говорили мне о том якобы в сумнительстве, будто не схожено здешнее обнадешивание высокой Вашего величества милости для того, что министры Вашего величества при польском дворе ничего о том не делают и не упоминают и таким образом приводят де их, курляньцов, в некоторое сумнение. А те ведомости оне получили здесь ныне чрес посланного их, которой поспел сюда из Белого Стока дней в 7 или 8» [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 232–232 об., 315 об. –317]. 30 января 1727 г. на заседании Верховного тайного совета было постановлено послать к Ягужинскому указ о возвращении из Польши. В Польше был оставлен только М. П. Бестужев-Рюмин [СИРИО, т. 63, с. 69].

мне еще видетца з другими, которые противны парти[и], тому не было еще время, понеже они живут по деревням, а слышно, что вскоре сюда будут. И когда можно будет мне их видеть, время не упущу и Вашему императорскому величеству по рабской должности моей доносить буду.

А что Ваше императорское величество изволили мне приказывать, чтоб видетца тайным образом з господином Морисом и проведать, в каком намерении он обретаецца, о том, как можно, старатца буду, понеже он ныне обретаецца здесь, а до прибытия сюда ездил [в] Варшаву и в Гродно тайно. А как дошло до него, (Л. 312) // что в сейме положено ево убить, то он вскоре от них отъехал и жил тайно в Ковне кластер, опасая себя, и потом приехал в Курляндию и жил по деревням у разных шляхт и прибыл сюда минувшаго декабря 31 дня.

А как при заключении курлянского последняго сейму учинили с ним^а, Морисом, добровольное письменное обязательство, о том при сем предлагаю для известия копию, о чем надеюсь, что напред сего послана была к Вашему величеству²⁷.

^б Вашего императорскаго [величества], моей всемилостивейшей государыни низаиший раб граф А. Девиеэр.

Из Митавы, 7 де[нь] генваря [1]727 году^б.

На Л. 309 – помета: отдано в 27 де[нь] генваря 1727 г[оду].

РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 309–312.

Подлинник. Подпись – автограф

№ 2

1727, января 14. Реляция А. М. Девьера из Курляндии

(Л. 214) // Всемилостивейшая государыня императрица Екатерина, великая самодержица Всероссийская!

С покорностию моею доношу Вашему императорскому величеству, что курляндские члены по обнадеживанию Вашего императорского величества высокой милости и помощи хотят при своих правах стоять крепко, как я Вашему императорскому величеству прежними реляциями доносил. А для защищения своих прав учинили письма (или универсал), с которого при сем всеподданейше прилагаю копию, а намерение их, курляндское, есть, что, учиня то к защите полное письмо, напечатав, разослать по всей Европе²⁸. Тако ж не соизволите ли, ваше императорское величество, то письмо разсмотря, что угодно переправить и напечатать на латинском языке под видом, якобы не в России, но в другом государстве печатано, и приказать прислать сюда, которые мы отсюда тайно розошлем, куда пристойно.

^а Повтор.

²⁷ Копию соглашения см.: [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 314–314 об.].

⁶⁻⁶ Написано другим почерком, предположительно Девьером собственноручно.

²⁸ Копию универсала см.: [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 217–228 об.].

А которые курляньские чины не склонны к тому намерению – обер-бургграф Костюшка отъехал в Литву в свои деревни, а лантмаршал Бригин весьма болен в деревне, и не чают ему быть здорову, понеже признавают у него водяную болезнь, а гауптман Офемберх живет в деревне ж – и оных партия в тихости состоит, а, мнитца, от того, ибо уведали оне, что Ваше величество изволите чрез меня утверждать их, чтоб оне стояли при своих правах. А другое дело утверждаютца чрез мои слова, (Л. 214 об.) // что изволите Ваше величество писать к королю и к Речи Посполитой о делах их, что не допущено будет до совокупления, и в том можно видеть мне, что оне надежду имеют на Ваше императорское величество, только часто упоминают, чтоб прав их мы не нарушили. А более дают знать под рукою, как у них есть первая права: когда оне выберут в князи, чтоб то не переделано было, а ежели де какими случаи переделаетца без воли их, то могут час от часу все права их отменитца, и для того ежели де при нынешнем случае пременитца что против прав их, чтоб ис того не привести к присовокуплению польскому.

К тому ж опасаются, дабы прусаки не привели нас в ыгру, а им не остатца б при выиграше, как де у них есть обычай, ибо как и я здесь слышу од доброжелателей Вашего величества, что пруской король писал к своему министру, чтоб старание имел при дворе польском, дабы не допустить до соединения Курляндию к Польше, якобы де дает нам токмо вид такой, чтобы де мы верили доброму их намерению, а потом бы де довести нас в ыгру и наделать разные танцы, и потом де будет разсуждать, что лутчее к ево интересу. А ему де зело надобны польские прусы и Курляндия по соседству и по свойству. И о сем извольте, Ваше императорское величество, милостиво разсудить, что к лутчему.

К тому же мне здесь ныне делать нечего будет февраля до 18-г[о] числа по новому штилю, как поставлен (Л. 215) // у них сейм. И для того всеподданнейше Вашему императорскому величеству доношу, не изволите ли повелеть быть мне к Вашему величеству для того, чтоб донести Вашему величеству, что здесь находитца, о курляньском деле для лутчей Вашего величества осторожности, понеже на словах можно лутчее с пространностию донести, нежели на письме, и можно паки возвратиться к тому сроку назад²⁹. И ежели Вашего величества на то соизволение будет, буду ожидать указ токмо б заранея, чтоб до сейму можно Ваше величество видеть и возвратиться.

Морис живет еще в Митаве и, когда случится, делает кур при дворе ея высочества и з шляхтам здешними обходитца.

²⁹ 21 января 1727 г. Екатерина в ответ на реляции Девиера от 10 и 14 января давала ему разрешение приехать в Санкт-Петербург. Однако, надо полагать, генерал-полицеймейстеру ответ отправили не сразу после получения в столице реляций, поскольку несколько раз (17, 19, 21 января) он еще раз отправлял подобную просьбу, а при написании письма 21 января Екатерине было известно о встрече Девиера с Морицем Саксонским, о которой тот извещал 19 января. Он также просил Макарова пососпособствовать своему возвращению в письмах от 17, 21, 24 января [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 1. Л. 214–215 об., 231–234 об., 238–238 об., 318–319 об.].

От здешнего правительства в киршхпили³⁰ послано, чтоб февраля к 18-му числу к сеймику депутаты с ынструкциями съезжались³¹.

Вашего императорского величества, всемилостивейшей государыни низжайший раб граф А. Девиер^в.

Из Митавы, генваря 14 дня 1727 года.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 214–215.

Подлинник. Подпись – автограф

№ 3

1727 г., января 24. Реляция А. М. Девиера из Курляндии

(Л. 236) // Всемилостивейшая государыня императрица Екатерина, великая самодержица Всероссийская!

Вашему императорскому величеству о здешнем состоянии ныне к доношению особливого не имею, кроме того, как и напред сего Вашему величеству доносил, так и ныне доношу, что о курляндском деле ныне состоит благополучно, ибо большая часть хотят стоять при своих пахтах или правах крепко, а противная партия желает быть против повеления польской короны. И хотя мы, как можно, старались и стараемся, и многократно говорено им под рукою, чтоб они согласны были к интересу Вашего величества, которое сходно к их древним правам, в чем они якобы склонных к тому себя и показывают, но однако верить им опасно, понеже они в некоторых домах между собою ропщут и говорят, что де Ваше императорское величество хотя и изволила их милостиво обнадеживать чрез меня и Безстужева-Рюмина, но однако под рукою тайно, а публично де о том им не сказано, да и кредитива на повторительное обнадеживание от Вашего величества им не дано³². К тому ж де видят они, что здешнее обнадеживание с министрами Вашего величества, которые при польском дворе, не сходно, ибо они при польском дворе о том ни явно,

³⁰ Приходы, волости.

³¹ К предыдущей реляции от 11 января и к следующей реляции от 19 января Девиер прилагал копии с указов, которые были посланы в киршхпили для присылки депутатов [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 320–321 об., 322 об.].

^{в-в} Написано другим почерком, предположительно Девиером собственноручно.

³² Начиная с 21 января 1727 г. Девиер настойчиво напоминал императрице о присылке кредитива, который ему обещали выдать. Он подчеркивал крайнюю необходимость в подтверждении полномочий, поскольку, «может быть, при том сейме здешние недоброжелатели в моем им представлении будут неимоверствовать и будут говорить, чтоб предъявил я им верующее письмо. И тогда б я мог им объявить, а ежели того времени при мне не будет, тои могут оне поставить в фальшь» [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 233–234 об.]. Запрашиваемый кредитив был послан генерал-полицеймейстеру вице-канцлером Остерманом 2 февраля 1727 г. В нем от имени императрицы утверждалось: «Понеже мы нашему генералу-лейтенанту Антону де Виеру комисию вручили вашим благородиям некоторые представлении учинить, того ради благосклонно желаем оному во всем том, что он вашим благородиям именем нашим объявлять и представлять будет, совершенную веру подавать и таким образом на то себя изъяснить, как мы по всегдашней нашей к вашим благородиям благоволительной склонности ожидать причину имеем» [Там же. Л. 267–268 об.].

ни тайно не говорят, и того де ради для чего им пропадать напрасно, и лутче де им остаться по намерению польскому, как им поляки обещают при прежних правах их содержать под протекциею польской короны. А ежели де того они не учинят, и тогда де поляки, кого из них ни поймают, казнить будут смертию, и жены де их, и дети, и протчае имение пропадет, а потом де хотя Ваше императорское величество и помогать им изволите, и та де помощь не в ползу будет, понеже де тогда на свете их не будет, и чего де ради такую им изневагу претерпевать или в азарт себя отдать и от людей де смехотворение претерпевать, к тому ж де и регулы их повелевают, чтоб рескомпаденции с другими государствами не иметь. А ежели они противно прав своих учинят, тогда де корона польская вскоре может на них взыскать, и тогда де им не можно (Л. 236 об.) // будет оправдаться, кроме своих голов. И для того Вашему императорскому величеству всеподданейше доносим, ежели паче чания вышеписанные слова или тому подобное будут от них при сейме происходить, то б от того и доброжелательные Вашего величества к ним не пристали, и ежели паче чаяния то учинитца, то тогда что нам будет чинить, понеже по данному нам от вашего величества указу, чтоб нам публично им говорить или письменно обязать, о том не предложено. И о сем всепокорнейше просим Вашего величества позволительного милостивого указу, понеже время то уже предугадывает, а имянно в 18-м феврале нового штилю, а по старому 8 числа февраля ж. И ежели же Вашего величества указу о том не будет, то нам никакие препозиции письменной и словесной в том деле делать будет публично не можно, понеже в данных Вашего величества указах о том запрещается, а ежели ж того явно не учиним, чтоб не причтено было к вине.

Притом же всеподданейше Вашему императорскому величеству доношу нижеследующее.

Первое: что виделся я с известною персоною³³ в другой раз, токмо один на один, желая ведать, какое ево намерение, но токмо как мог видеть, что он на прежних словах и намерении стоит, как я писал преж сего до Вашего величества, а более того не мог допроситься. И ныне он обретается здесь же, и, как видно, что никакие от него интриги против Вашего величества не имется³⁴.

Второе: вышеписанная ж известная персона при том же свидании сказывал мне, что получил он ведомости от 6 числа генваря по новому штилю изо Франции, что король французской велел быть готову своему войску и до-

³³ Под «известной персоной» имеется в виду Мориц Саксонский, чье имя шифровалось в реляциях подобным образом.

³⁴ Несколькими днями ранее (19 января) Девиер передавал императрице позицию Морица Саксонского, который заверял его в своей лояльности и верности интересам русской монархии (и даже якобы пустил слезу, услышав сомнения российской стороны). Генерал-полицеймейстер также предупреждал о явных симпатиях курляндцев по отношению к нему: «здесьние шляхты едва не все ево любят, и, как я вижу, что здесь все ради ево носят такое платье, как он, Морис, и тем знать дают, что любят ево, також ездит часто к ним по деревням. А иногда между собой шляхты в компаниях говорят, надобно де нам за него умереть, ежели что делается противно прав их (или пахтов). И для того по всему видеть можно, что зело любят ево, понеже доброжелатели Вашего величества всегда доброе об нем говорят, что он достоин всякой чести» [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 318–319 об.].

ждать позволительного указа, куда повелено будет (Л. 237) // маршировать, також и министром своим обретающимся при цесарском и гишпанском дворах повелел быть в Францию. А при французском дворе короля сердинского министру сказано, чтоб он писал к своему королю, дабы он был во осторожности, и объявляют, что война будет у французов с цесарем и з Гишпанию.

Третье: получил я вчерашнего дня письмо от господина Макарова, которой упоминает указом Вашего величества, чтоб я более с тою известною персоною не видался, дабы не дать подозрения полякам, и, хотя мы всегда в том осторожность имеем, чтоб подозрения полякам не дать, однако ж и по оному указу свидания с тою персоною иметь не буду³⁵.

Четвертое: когда я прибыл сюда и известен учинился, что обретающейся здесь гоуптман Бракель, доброжелательной Вашего величества, имеет коррешподенцию с Польшею, того ради просили мы ево, дабы он дал нам знать о гетмане коронном и литовском, где они ныне обретаются. Которой по той нашей прозьбе ныне уведомил нас, что те гетманы, коронной ныне гетман Гоментовской – в Варшаве, а Денов – в своих деревнях в Короне и далеко отсюда. И хотя мне надлежало по указу Вашего величества старание иметь, чтоб их привести к стороне Вашего величества, токмо того учинить ныне не можно, пока они не придут в свои команды, которые повелено им иметь при войске, отправляемом в Курляндию для комисии. И когда они в свои команды придут, тогда, как можно, старание иметь будем. А хотя бы и нарочного отсюда мог я послать до них для вышеозначенного, (Л. 237 об.) // но токмо такова верно, кому б ту комисию вручить, здесь не имеется, и для того писал я к Павлу Ягушинскому, чтоб он в том имел старание. Токмо их на истинный путь привести трудно будет того ради, что оные – фундатеры в деле курляндском и не захотят, чтоб иначе быть для их славы, к тому же они чрезмерно богаты и злобны на Курляндию.

Пятое: на прошлой почте писал я к Павлу Ягушинскому цифрою, чтоб он для осторожности здешней разведал там, сколько с комисиею военных людей регулярных и нелегулярных пойдет и с которых чисел тот марш намерены воспрять, и когда разведает, то писал бы сюда как наискоря, чтоб она комиссия внезапно сюда не прибыла, и дабы могли мы от того предостеречься заблаговременно³⁶.

[†]Вашего императорскаго величества, моей все милостивейшей государыни низаиший раб граф А. Девиеэр.

Из Митави, 24 де[нь] генваря [1]727 году[†].
На Л. 236 – помета: в 1 де[нь] февраля 1727 г[оду].

РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 236–237 об.
Подлинник. Подпись – автограф

³⁵ Письмо Макарова от 12 января 1727 г. Ответ на него см.: [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 238–238 об.].

³⁶ 11 февраля Девьер направлял в Санкт-Петербург реестр с именами комиссаров, которые были назначены для комисии в Курляндию [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 246а–246аа об.].

^{††} Написано другим почерком, предположительно Девьером собственноручно.

№ 4

1717 г., февраля 14. Реляция А. М. Девиера из Курляндии

(Л. 248) // Всемиловейшая государыня императрица Екатерина, великая самодержица Всероссийская!

На прошлой почте писал я до Вашего императорского величества о получении мною здесь тайной инструкции³⁷ за собственноручным Вашего величества подписанием, отправленной из Санкт-Петербурга от 4 числа февраля³⁸, и о имевших конференциях с доброжелатели Вашего величества, что к лучшему интересу Вашего величества принадлежит³⁹. Причем как в той реляции моей предлагал я Вашему величеству, так и ныне по рабской моей должности доношу, что по тем моим конференциям доброжелатели Вашего величества при своих правах стоять хотят. А чтоб о известной персоне при сейме⁴⁰ для подозрения другим патенциям⁴¹ ничего более не упоминать, о том обер-раты, доброжелатели Вашего величества, хотя и все ради, видя Вашего величества к себе неотменную милость, но, однако, то за невозможность признавают, ибо сами они в указах, посланных х киршпилем (о которых напред сего многократно я доносил), включили ту речь, чтоб они депутатов прислали с полными инструкциями, что к пользе и умножению отечества и содержанию прав и свобод полезной в духовном и мирском состоянии принадлежит, по силе которых указов от киршпилей тем депутатом в инструкциях и включено, чтоб о известной персоне при сеймике было подтверждено, понеже по их правам о том первой пункт состоит⁴². И хотя по учиненной же мною с тою известною персоною конференции и по довольном представлении моем (Л. 248 об.) // о том, чтоб при сеймике об нем не упоминать, и не признавал он за противность, и полагается во всем в волю Вашего величества⁴³, к тому же и обер-раты чинить того не могли б, но для вышеписанной притчины учинить того не могут, ибо депутатом в том запретить, чтоб они о том не упоминали, не можно, понеже депутаты никакой силы в том, что инструкции свои, данные им от киршпилей, отменить не могут, но должны объявить те инструкции,

³⁷ Текст второй инструкции см.: [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 275–276 об.].

³⁸ Девиер прибыл в Митаву из Санкт-Петербурга 6 февраля, получил инструкцию при письме Макарова от 9 февраля, отписал о получении 11 февраля.

³⁹ В реляции от 7 февраля 1727 г. среди доброжелателей, с которыми Девиер имел конференцию и от которых узнал ценные сведения относительно политических предпочтений курляндцев, он называет ланд-гофмейстера Брюггена и канцлера Кейзерлинга [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 239].

⁴⁰ Сеймик в Курляндии начался 11 февраля 1727 г.

⁴¹ Надо полагать, под «другими патенциями» здесь и в других реляциях имеются в виду заинтересованные стороны курляндского дела, то есть Речь Посполитая, лично Август II, Пруссия и т. д.

⁴² О позиции российской дипломатии относительно Морица Саксонского см. мнение: [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 1. Л. 269–274].

⁴³ Однако Мориц не сразу поддержал требования российской стороны. В реляции от 11 февраля Девиер уведомлял Екатерину: «И хотя он перво в том сумнителен и был, но однако по довольном нашем представлении к тому склонился и говорил, что полагается он во всем в волю Вашего императорского величества, понеже видит он, что Ваше величество изволите милосердствовать к общему интересу» [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 245].

каковы им даны от кирхшпилей. К тому же те доброжелатели представляют, что опасаются они, чтоб здешней народ не помнил бы того, что якобы они делают какие факции, и не потерять бы в том кредит, ибо, ежели кредит потеряют, то уже ни к той, ни к другой стороне пристать им будет не можно. А под рукою те обер-раты депутатом говорить опасаются, чтоб более не привести их в подозрение, а хотя б и говорить стали, но ис того б к лутшему ничего воспоследовать не могло, ибо те депутаты никакой силы в том не имеют, но должны б были писать по-прежнему х киршпилем своим, между чем бы могло произойти время немалое. К тому же и не без опасности б было, чтоб не прибывшие сюда семь киршпилей⁴⁴, о которых признается, что они противные, також и два обер-рата – обер-бургграф Костюшка и лантмаршел Брыгин – не могли б как доброжелательным Вашего величества, так и во весь народ внушить противное, якобы от двора Вашего (Л. 249) // величества чинятца какие факции, ибо хотя де Ваше величество обнадеживать их и изволите, чтоб они стояли при своих правах крепко, однако ж де что и наипущей первой пункт о вольном избрании герцога, о том да при сейме Ваше величество упоминать не изволите, и для того, чтоб чрез такую их розгласку и доброжелатели Вашего величества не могли б к их же стороне пристать, ибо здешней народ чрезмерно сумнителен и упорен. К тому же и сам я слышел, что вышеписанной же лантмершел Брыгин, противной к стороне Вашего величества, писал в Польшу, дабы как наискоря прислана б сюда была комиссия, понеже де ежели комиссия сюда пришлется, то де уже не токмо доброжелатели польской стороны, но и противные в том к Польше склонятца. И для того, и как я еще довольнее сего представлял в прежней моей реляций, просили мы правительствующих обер-ратов, чтоб при начатом ныне сеймике, которой уже начался 11 числа сего месяца, о том положили б хотя тайно, против чего те доброжелательные обер-раты объявили, что в том старатца они будут. Но хотя де (и ежели паче чаяния) и учинитца, что при сеймике о том не предложить будет не можно, однако ж де когда пошлют они в Варшаву депутата с инструкциею просить короля и Речь Посполитую, дабы Курляндия содержена была при прежних правах и при алекции так, как они из своей воли поддались под протекцию польскую и комиссии б сюда не допускать, (Л. 249 об.) // то тогда в той данной инструкции о избранном герцоге упоминать они не будут и одадут о том особливо тайной пункт. И ежели король и Речь Посполитая будет им говорить о известной персоне, что для чего они прежней их конституции учинили в противность, то тогда посланной отсюда депутат будет во оправдание говорить то, что правы их, с которыми они под протекцию польскую из своей вол поддались, повелевают вольное герцога избрание, а хотя та конституция и учинена ими, что после кетлерской линей герцогу не быть, однако та конституция учинена правам их в противность без их согласия, о чем им и сообщено не было и руками курляндских чинов не подписано, к тому ж и ныне учиненная в Гродне конституция учинена ж без их совету в противность же, и для того поляки курляндцев никак присоединить к себе не могут, разве силою. И ежели король и Речь Посполитая по их про-

⁴⁴ Всего в Митаву должно было приехать 26 депутатов от каждого кирхшпиля. В результате явились только 19. При этом депутат от главнейшего Боуского кирхшпиля имел инструкцию с требованиями, противными пророссийской «партии» [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 244–244 об.].

шению и по предстательству министров Вашего величества Курляндию оставит при прежних правах, то тогда чтоб тот депутат о том избранном герцоге мог уже предложить. И для того с тою известною персоною и с некоторыми обер-рата, которые Вашему величеству доброжелательныя и ему верные, еще имел я конференцию тайно в ночь, что каким бы наилучшим образом в том поступать, против чего утвердилась та персона, что по окончании сеймика, чтоб (Л. 250) // не дать подозрения, как в том Вашего величества интерес есть, выедет он отсюда вон в Саксонию или где заспособнее короля получить может, искать чрез него способ, чтоб ему себя здесь утвердить. К тому ж, как я слышел, что имеет он з сдешними курлянцами обязательное право такое, что ежели он усмотрит, что к здешней земле лутчее, то должен он учинить в том трактат, с кем бы он ни похотел, в чем ему не запрещается.

А сеймику за помощью Божиею надеемся кончитца и депутату с инструкциею отправлену быть на сей неделе или на будущей. И понеже, хотя вчерашнего дня при собрании здешних управителей и депутатов камор-юнкер Ротенберг, который был при Гроденском польском сейме от здешней земли депутатом, предлагал им реляцию о учиненной в том Гроденском сейме польской конституции, по которой не токмо, чтоб они учинить хотели, но и, реляции ево о том не выслушав, розъехались, ибо та конституция им противна, понеже они все в том мнения состоят, что по обнадеживанию Вашего величества хотят стоять при своих правах и при алекции. И для того в ту посылку назначен от них депутат прозванием Медем и с ним одна персона, которая была в Польше при князь Василье Долгоруком, которая как в здешних правах, так и в протчих довольна знающая, для того, дабы как тому депутату, так и министру Вашего величества, при польском дворе обретающемуся, мог в наилучшем, до сего дела что касается, ко оправданию здешней (Л. 250 об.) // земли вспомогать и резоны все к лутчему интересу Вашего величества представлять⁴⁵. И для того ту персону с депутатом отправят отсюда на почте, дабы, как возможно, возмогли б они прибыть прежде Сенат-консилиума, которой назначен 12 марта, о чем я заподлинно получил уже ведомости⁴⁶.

⁴⁵ Как показывают дальнейшие реляции Девиера, данная анонимная для корреспонденции генерала-полицеймейстера персона в Варшаву не была отправлена, поскольку заболела [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 258 об. –259].

⁴⁶ В реляции от 7 февраля Девиер сообщал о том, что король назначил Сенат-консилиум на 16 апреля. Перенос даты на более ранний срок, надо полагать, был связан с желанием Августа II побыстрее отправиться из Варшавы в Саксонию. Для того, чтобы убедить короля принять пророссийскую сторону, генерал-полицеймейстер предлагал «дать комисию министру своему, обретающемуся при дворе польском или кому соизволите, дабы он мог прежде Сенат-консилиума с королем один на один тайно о том курлянтском деле, в каком намерении Ваше императорское величество соизволите состоять, говорить на словах, дабы Его величество мог при том консилиуме о том курлянтском деле наивящее свое старание показать, о чем я и с господам Остерманом и Макаровым говорил, в чем и они тако ж согласовали. Ибо ежели Ваше величество соизволите министру своему комисию тайно дать, чтоб он о курлянтском деле один на один с королем говорил на словах, то надеюсь я, что он, увидя Вашего величества в том склонность к интересу ево, может комисию сюда не допустить и может же быть, что чрез ту Вашего величества к Его королевскому величеству склонность худое намерение свое, которое он якобы имел пристать к королю аглинскому, отставит». О необходимости проведения координированных действий Девиер также предлагал в письме к Макарову [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 239 об. –241 об., 247–247 об.].

К тому же доношу: получил я здесь известие из Варшавы чрез два письма господина Ягушинского, которые дошли до меня обоеи вместе, отправленные оттуда одно от 21, второе от 28 чисел генваря, в которых упоминает, что королевское величество из Белого Стока заподлинно туда в тех числах прибудет и что Сенат-консилиум в марте месяце начнетца, також что фельдмаршелк граф Флеминг туда прибыл, которого как иностранные министры, так и протчие встречали. В тех же письмах напоминает он, дабы депутаты отсюда в Варшаву присланы были как наискоря до Сенат-консилиума, в чем мы крепкое старание имеем и надеемся оным туда заблаговременно прибыть, ибо, как и выше доносил, что отправятца отсюда вскоре чрез почту.

Кроме же сего Вашему величеству ныне особливо ни о чем доносить не имею, но впредь, что здесь чинитца будет, о том доносить буду без замедления.

«Вашего императорскаго величества, моей всемилостивейшей государыни всегдашний раб граф А. Девиеэр».

Из Митавы, 14 де[нь] февраля [1]727 году.

(Л. 251) // Р. S.: Вчерашнего дня получил я при письме тайного кабинет-секретаря Макарова дубликат тайной инструкции, в котором же письме напоминает он указом Вашего величества, чтоб я по окончании сеймика здесь более я не был, но ехал бы ко двору Вашего величества, и в том я поступать буду без укоснения. Також доношу, что отправляетца отсюда в Варшаву нарочной куриер просить, дабы здешнему шляхетству не причтено было в вину, что они для прошеней о своих делах к указному сроку, которой всегда для их дел бывает в марте месяце, не будут, с представлением о невинности их, что им к тому сроку быть не можно для здешнего сеймика. Тако ж здесь есть ведомости, что фельдмаршелка господин граф Сапега будет в Ригу на сих днях.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 248–251.

Подлинник. Подпись – автограф

№ 5

1727 г., февраля 18. Реляция А. М. Девьера из Курляндии

(Л. 254) // Всемилостивейшая государыня императрица Екатерина, великая самодержица Всероссийская!

Всеподданнейше Вашему императорскому величеству в покорности моей доношу, что сеймик здесь почти уже кончился в той силе, чтоб курляндцам остатца при своих правах и привольной своей алекции, а конституци[и] б польской (которая им в противность) отнюдь не принимать. И хотя я о том, чтоб при том сейме о вольной алекции они не упоминали, старание и имел, но, однако, они того учинить не могли, как и прежде сего реляциями моими Вашему величеству я доносил, что того они учинить не могут, но, однако же, в данной инструкции депутату о той вольной алекции не напишут, но дадут особливой пункт. И совершенно тому сеймику за помощью Божиею надеюсь

^{д-д} Написано другим почерком, предположительно Девьером собственноручно.

кончитца в будущей понедельник⁴⁷, ибо когда я о том, что они в сейме то положили, известился, то для наилучшего в том утверждения собраны чрез меня были в дом обер-гоф-ландмейстера Брыгена (*Л. 254 об.*) // канцлер Кейзерлинн и присланные от кирхшпилей все депутаты, которых я притом спрашивал следующим содержанием: понеже я известен учинился, что в сейме положили, чтоб остатца при своих правах и при вольной алекции, а конституции б польской не принимать, и просил их, чтоб они объявили мне, так ли они в том утвердились. Против чего они объявили, что положили они подлинно так, чтоб им стоять при своих правах и при вольной своей алекции, что де учинили они, надеясь на высокомонаршескую Вашу милость по силе обнадеживания Вашего величества чрез меня, и для того просили они, дабы они содержаны были в высокой Вашего величества милости непременно и при польском бы дворе от Вашего величества об них старание было. И когда я о том от них услышал, то паки объявил им, что они в том оставлены не будут (и дабы они в том крепко верили), чего ради и писано от Вашего величества к министром Вашего величества, обретающимся при польском дворе. И притом просил я их, (*Л. 255*) // дабы они то положение свое в сейме верно утвердили, и руками своими подписали, и депутата в Польшу благовременно послали. Против чего объявили они, что то свое положение руками своими подпишут они кончае в будущей понедельник, и по окончании того сейма отправят они депутатом на сих днях верного здешней земли шляхтича капитана прозванием Медема⁴⁸, которому позволили они иметь конференцию с министрами Вашего величества. А какую инструкцию при сейме заключили ему дать, со оной получил я от них тайно копию, которую прилагаю при сем до Вашего величества⁴⁹. И когда они то свое в сейме положение в будущей понедельник руками своими подпишут, то тогда буду я смотреть, то ли они руками своими подписали, как меня обнадеживали, чтоб о известной персоне явно не упоминать. И по окончании того сейма по силе Вашего величества указу поеду я до Вашего величества без замедления, ибо мне здесь более делать будет нечего.

Такоже доношу, что, хотя я в прежних моих реляциях доносил, что депутаты прибыли сюда из 19 кирхшпилей, в том числе 1 Боуской, по обнадеживанию Вашего величества учинить не хотел и был противен, но, однако, когда в сеймике (*Л. 255 об.*) // протчие стали утверждаться, чтоб стоять при своих правах и при вольной алекции и конституце[и] б польской не принимать, тогда и тот депутат склонился и их же мнению согласовал, а протчие от 7 противных кирхшпилей и до ныне не бывали и не будут. А о обер-бургграфе Костюшке известие я получил, что подал он в Польше протестацию, что здесь в сейме конституции польской учинено в противность, чтоб оной конституции не принимать, приводя тем поляков в злобу на Курляндию, дабы чрез тот протест комиссия польская прислана сюда была как наискоря, с которого ево протесту дабы достать копию, послали мы нарочных.

⁴⁷ 21 февраля 1727 г.

⁴⁸ Эбергард фон Медем, королевский капитан.

⁴⁹ Инструкцию Медема см.: [РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 256–257 об.].

К тому ж я слышал, что он же, Костюшка, и лантмаршал Брыкен, и фискал zelo уязвляют здешней народ в той силе, чтоб им остатца при польской конституции, и для того стараюсь я, чтоб вышеписанных противников злой корень вывести так, чтоб сделать их с руками и с ногами, в чем никакого греха я не признаваю.

Здесь же есть ведомости, что королевское величество польское поедет в Саксонию вскоре и для того хочет, чтоб Сенат-консилиум окончился как наискоря, чего ради писал я в Польшу к министрам вашего величества, чтоб они не проронили, что принадлежит к интересу Вашего величества.

«Вашего императорского величества, моей всемилостивейшей государыни низжайший раб граф А. Девиеэр».

Из Митавы февраля 18 дня 1727 году.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 254–255 об.

Подлинник. Подпись – автограф

Библиографические ссылки

- Анисимов Е. В.* Анна Иоанновна. М. : Молодая гвардия, 2002. 362 с.
- Арбузов Л. А.* Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. 305 с.
- Арсеньев К. И.* Царствование Екатерины I. СПб. : Тип. Имп. рос. акад., 1856. 94 с.
- Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726 / вступ. ст. И. В. Курукина ; коммент. К. А. Залесского, В. Е. Климанова, И. В. Курукина. М. : Кучково поле : Ретроспектива, 2018. 864 с.*
- Евстратьев О. И.* Колониальная политика герцогства Курляндия и Семигалия в XVII–XVIII вв. : дис. ... канд. ист. наук. Минск : [Б. и.], 2017. 340 с.
- Павленко Н. И.* Екатерина I. М. : Молодая гвардия, 2004. 265 с.
- Павленко Н. И.* Меншиков. Полудержавный властелин. 3-е изд. М. : Молодая гвардия, 2016. 399 с.
- РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. 2. Д. 86; Оп. 5. Д. 1. Ч. 5; Ф. 142. Оп. 1. Д. 587, 589.
- Ругль У. П.* Антонию Мануэл де Визейра при российском дворе XVIII столетия. М. : Голос Пресс, 2003. 105 с.
- СИРИО. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1887. Т. 56. 673 с. Т. 63. 926 с.
- Сизиков М. И.* Становление центрального и столичного аппарата регулярной полиции России в первой четверти XVIII в. // Государственный аппарат: историко-правовые исследования. Свердловск : Изд. СЮИ, 1975. С. 5–39.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен : в 6 кн. СПб. : Т-во «Общественная польза», 1851–1879. Кн. 4. Т. 16–20. 840 с.
- Стродс Х. П.* Курляндский вопрос в XVIII в. : в 2 ч. Рига : Латв. ун-т, 1993. Ч. 1. 204 с.
- Шубинский С. Н.* Первый Петербургский генерал-полицмейстер // Ист. вестн. 1892. Т. 48, № 5. С. 427–448.
- Щебальский П. К.* Князь Меншиков и граф Мориц саксонский в Курляндии 1726–1727 гг. М. : Тип. Катков и К°, 1860. 66 с.
- Kantecki K.* Komisja kurlandzka w 1727 roku // Przewodnik Naukowy i Literacki. 1882. № 10. S. 12–39.
- Kosińska U.* August II w poszukiwaniu sojusznika Między aliansem wiedeńskim i hanowerskim (1725–1730). Warszawa : Neriton, 2012a. 564 s.

^{е-е} Написано другим почерком, предположительно Девьером собственноручно.

Kosińska U. Stosunki sasko-polsko-rosyjskie a sprawa Maurycego Saskiego i sukcesji kurlandzkiej w świetle relacji saskiego posła w Petersburgu Jeana Le Forta (1725–1728) // Вялікае Княства Літоўскае і суседзі: права, вайна, дыпламатыя. Мінск : Белорус. эн-цикл., 2012b. S. 349–366.

Strohm K. Die Kurländische Frage (1700–1763). Eine Studie zur Mächtepolitik im Ançiem. Berlin : Verlag Diss. Publ., 1999. 404 S.

Taillander S.-R. Maurice de Saxe d'après des papiers inédite // Revue des deux mondes. 1864. № 51. S. 639–677.

Treffer G. Moritz von Sachsen – Marschall von Frankreich. Regensburg : Pustet, 2005. 312 S.

White J. M. Lorbeer und Rosen. Graf Moritz von Sachsen. Marechal de France. Tübingen : Wunderlich, 1962. 415 p.

References

Anisimov, E. V. (2002). *Anna Ioannovna* [Anna Ioannovna]. Moscow, Molodaya gvardiya. 362 p.

Arbuzov, L. A. (1912). *Ocherk istorii Lifyandii, Estlyandii i Kurlyandii* [Essay on the History of Livonia, Estonia, and Courland]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevic ha. 305 p.

Arsen'ev, K. I. (1856). *Tsarstvovanie Ekateriny I* [The Reign of Catherine I]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Rossiiskoi Akademii. 94 p.

Dnevnik kamer-yunkera Fridrikha Vil'gel'ma Berkhgol'tsa. 1721–1726 [Kamer-Junker V. F. Berkhgolz's Diaries. 1721–1726] / introd. article by I. V. Kurukin, comments by K. A. Zalessky, V. E. Klimanov, I. V. Kurukin. (2018). Moscow, Kuchkovo pole, Retrospektiva. 864 p.

Evstrat'ev, O. I. (2017) *Kolonial'naya politika gertsogstva Kurlyandiya i Semigaliya v XVII–XVIII vv.* [Colonial Policy of the Duchy of Courland and Semigallia in the 17th–18th Centuries]. Dis. ... kand. ist. nauk. Minsk, S. n. 340 p.

Kantecki, K. (1882). Komisja kurlandzka w 1727 roku. In *Przewodnik Naukowy i Literacki*. Vol. 10, pp. 12–39.

Kosińska, U. (2012a). *August II w poszukiwaniu sojusznika Między aliansem wiedeńskim i hanowerskim (1725–1730)*. Warszawa, Neriton. 564 s.

Kosińska, U. (2012b). Stosunki sasko-polsko-rosyjskie a sprawa Maurycego Saskiego i sukcesji kurlandzkiej w świetle relacji saskiego posła w Petersburgu Jeana Le Forta (1725–1728). In *Vyalikae Knyastva Litoŭskae i susedzi: prava, vaina, dyplamatyia*. Minsk, Belorusskaya entsiklopediya, s. 349–366.

Pavlenko, N. I. (2004). *Ekaterina I* [Catherine I]. Moscow, Molodaya gvardiya. 265 p.

Pavlenko, N. I. (2016). *Menshikov. Poludierzhavnyi vlastelin* [Menshikov. Half-Hearted Lord]. 3rd Ed. Moscow, Molodaya gvardiya. 399 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 9. List 4. Department 2. Dos. 86; List 5. Dos. 1. Part 5; Stock 142. List 1. Dos. 587, 589.

Rugl', U. P. (2003). *Antoniu Manuel de Vieira pri rossiiskom dvore XVIII stoletiya* [Antonio Manuel de Vieira at the Russian Court of the 18th Century]. Moscow, Golos Press. 105 p.

Shchebal'skii, P. K. (1860). *Knyaz' Men'shikov i graf Morits saksonskii v Kurlyandii 1726–1727 gg.* [Prince Menshikov and Maurice, Count of Saxony in Courland 1726–1727]. Moscow, Tipografiya Katkov i Co. 66 p.

Shubinskii, S. N. (1892). Pervyi Peterburgskii general-politsmeister [First Petersburg General Chief of Police]. In *Istoricheskii vestnik*. Vol. 48. No. 5, pp. 427–448.

SIRIO [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. (1887). St Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova. Vol. 56. 673 p. Vol. 63. 926 p.

Sizikov, M. I. (1975). Stanovlenie tsentral'nogo i stolichnogo apparata regul'arnoi politsii Rossii v pervoi chetverti XVIII v. [The Formation of the Central and Capital Institutions of the Regular Police of Russia in the First Quarter of the 18th Century].

In *Gosudarstvennyi apparat: istoriko-pravovye issledovaniya*. Sverdlovsk, Sverdlovskii yuridicheskii institut, pp. 5–39.

Solovyov, S. M. (1851–1879). *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen v 6 kn.* [The History of Russia from Ancient Times. 6 Books]. St Petersburg, Tovarishchestvo “Obshchestvennaya pol’za”. Book 4. Vol. 16–20. 840 p.

Strods, H. P. (1993). *Kurlyandskii vopros v XVIII v. v 2 ch.* [Courland Question in the 18th Century. 2 Parts]. Riga, Latviiskii universitet. Part 1. 204 p.

Strohm, K. (1999). *Die Kurländische Frage (1700–1763). Eine Studie zur Mächtepolitik im Ançiem.* Berlin, Verlag Diss. Publ. 404 S.

Taillander, S.-R. (1864). Maurice de Saxe d’après des papiers inédite. In *Revue des deux mondes*. No. 51, pp. 639–677.

Treffer, G. (2005). *Moritz von Saxen – Marschall von Frankreich.* Regensburg, Pustet. 312 S.

White, J. M. (1962). *Lorbeer und Rosen. Graf Moritz von Sachsen. Marechal de France.* Tübingen, Wunderlich. 415 p.

The article was submitted on 30.11.2023